

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Составитель: Кирилл Королев

МИДГАРД

2007

Содержание

<i>Предисловие. Дракон, не ведающий сна</i>	<i>6</i>
---	----------

<i>Глава 1. «Есть гора Куньлунь»: мифологическая традиция Древнего Китая</i>	<i>21</i>
--	-----------

<i>Глава 2. Миф превращается в историю: конфуцианская традиция в мифологии</i>	<i>99</i>
--	-----------

<i>Глава 3. Небесное Дао: даосская традиция в мифологии</i>	<i>128</i>
---	------------

<i>Глава 4. «Сердце и есть Будда»: мифология китайского буддизма</i>	<i>207</i>
--	------------

<i>Глава 5. Три веры — один мир: поздняя китайская мифология</i>	<i>270</i>
--	------------

Приложение

<i>Краткая хронология</i>	<i>329</i>
<i>Глоссарий</i>	<i>331</i>
<i>Библиография</i>	<i>411</i>
<i>Литература</i>	<i>413</i>

Предисловие

ДРАКОН, НЕ ВЕДАЮЩИЙ СНА

О, Небо! Ты всех истин бескорыстней,
Ты видишь все, что скрыто в нашей мгле,
Ты помогаешь тем, кто в этой жизни
Достоинно существует на земле.

Цюй Юань. Лисао¹

«Если спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь силач унесет все на спине, а невежда ничего не будет знать. В каком бы подходящем месте ни спрятать большое или малое, оно все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для всех вещей».

Китай на протяжении тысячелетий успешно выполнял этот завет своего великого философа Чжуанцзы: страна замыкалась в себе и на себя, оставаясь загадкой для остального мира. Европейцы воспринимали Китай наряду с Индией — и, позднее, Японией — как страну экзотических диковинок; непривычным и непонятным казалось все — от языка и веры до придворного этикета и правил поведения в обществе. Так, первый европеец в Китае Марко Поло писал, поражаясь «варварским нравам» китайцев: «Эти народы идолопоклонники, а что до их богов, то у каждого высоко на стене его комнаты

¹ Перевод А. И. Гитовича.

прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее Всевышнего, Небесного Бога; ей они каждый день поклоняются с кадилом фимиама следующим образом: поднимают руки вверх и трижды скрежещут зубами, чтобы Бог дал им хороший ум и здоровье, а другого они у него не просят. Ниже, на полу, стоит изображение, это бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему они придают жену и детей и поклоняются ему таким же образом с кадилом, скрежеща зубами, и поднимают руки; у него просят благоприятной погоды, земных плодов, сыновей и подобных благ. Душу они считают бессмертной в том смысле, что тотчас после смерти человека она переходит в другое тело; смотря по тому, жил ли человек хорошо или дурно, душа переходит от хорошего к лучшему или от дурного к худшему. Если это был бедный человек и вел себя при жизни хорошо и скромно, то он после смерти возродится от дворянки и сам будет дворянином; потом он родится от государыни и будет государем; поднимаясь все выше и выше, он, наконец, доходит до Бога. Если же он вел себя дурно, то он, если был сыном дворянина, возрождается как сын крестьянина, потом возрождается собакой и спускается к все более презренной жизни. Они говорят цветистым языком; приветствуют друг друга вежливо, с веселым и радостным видом; держат себя с достоинством и едят очень чисто. Отцу и матери оказывают большой почет; если же случится, что какой-нибудь сын оскорбит родителей или не поможет им в случае нужды, то есть особенное присутственное место, у которого нет другого дела, как наказывать неблагодарных сыновей, оказавшихся виновными в каком-нибудь неблагоприятном поступке по отношению к родителям».

Разумеется, китайская «самоизоляция» существенно отличалась от, к примеру, «великой изоляции» Японии: в конце концов, последняя — цепочка островов, до которой еще нужно доплыть, а Китай с его протяженной сухопутной гра-

нищей, даже несмотря на строительство Великой китайской стены, физически не мог отгородиться от иноземного влияния (благодаря которому, в частности, в Поднебесную проник буддизм). Тем не менее страна многие века оставалась «закрытой» — и именно поэтому сумела сохранить самобытность до наших дней, вопреки глобальным цивилизационным процессам последних столетий. И сегодня, как и несколько веков назад, когда знания европейцев о Китае ограничивались сведениями Марко Поло и сообщениями отцов-иезуитов, первые миссии которых появились в Поднебесной в XVI веке, само слово «Китай» будоражит воображение, олицетворяя собой Восток — загадочный, таинственный и по-прежнему непостижимый.

Первые люди в Китае, как показали данные археологических раскопок, появились около 500 000 лет назад; по всей вероятности, они были выходцами из Западной Азии. А первые культуры на китайской территории сложились в эпоху неолита. Культура Яншао в излучине реки Хуанхэ, в районе Лессового плато, возникла приблизительно 6000 лет назад; чуть моложе — около 4000 лет назад — в нижнем течении реки Янцзы сформировалась культура Луншань. Именно комбинация этих двух культур, возникших в бассейнах великих рек, подобно другим цивилизациям древности, и стала тем «зернышком», из которого произрос Китай.

Согласно конфуцианской традиции, прародителями китайцев были первопредки Фуси и Нюйва, которым наследовал первый земледelec Шэньнун, а ему — основатель китайского государства Хуанди, «первый император». С Хуанди, как утверждает традиционная историография, начинается эпоха Пяти императоров: это сам Хуанди, Чжуаньсюй, Ку, образцовые правители Яо и Шунь. Шунь передал трон усмирителю потопа Юю, а когда последний умер, люди пожелали

видеть правителем его сына. Так в Китае появилась первая правящая династия — Ся, которой открывается эпоха Трех династий (Ся, Шан-Инь и Чжоу).

Многие исследователи склонны считать династию Ся легендарной, поскольку никаких фактических доказательств ее существования не обнаружено; известна только генеалогия ее правителей. А вот реальность следующей династии — Шан-Инь — не подлежит сомнению: сохранились многочисленные надписи этой эпохи на гадательных костях, а в 1950 г. в провинции Хэнань в ходе раскопок было найдено древнее городище — как удалось установить, столица царства Шан.

Культура Шан-Инь была культурой бронзового века. Из бронзы отливались сосуды, служившие для жертвоприношений предкам, оружие и некоторые инструменты. Именно в эту эпоху в Китае начал складываться культ предков, оказавший столь значительное влияние на китайскую культуру. По замечанию отечественного синоведа В. В. Малявина, «связь живых с умершими родичами была стержнем всего общественного уклада шанцев... Для людей этой эпохи мир мертвых был устроен точно так же, как мир живых: положение в нем каждого усопшего предка определялось его местом на родовом древе. Существовал Верховный Предок Шанди, который в силу своей отдаленности от мира живых почти не вмешивался в людские дела. Была еще категория старших предков, уже лишившихся имени и в религии шанцев имевших, скорее, лишь символическое значение. Вместе с тем иньская религия предполагала экстатическое общение живых с умершими, тесно связанное с оргиастическими празднествами и человеческими жертвоприношениями».

В 1027 году до нашей эры царство Шан-Инь пало под натиском племени чжоу, западного соседа шанцев. Царь побежденных — «иньский Цзе» или «тиран Цзе» исторических хроник — покончил с собой, и к власти пришла династия Чжоу.

Верховный правитель чжоусцев именовался «Сыном Неба» (*тяньцзы*); этот титул китайские императоры сохраняли за собой вплоть до 1912 г. — когда отрекся от престола Пу И, последний император династии Цин.

В эпоху Чжоу произошло событие, имевшее определяющее значение для китайской культуры: чжоусцы отказались от человеческих жертвоприношений и оргиастических культов и провозгласили основной доблестью человека его добродетель. Как пишет В. В. Малявин, «вообще династию Чжоу можно считать основоположницей китайской цивилизации: именно при ней сложились основные государственные институты и нравственные ценности, определившие лицо китайской империи и китайской культуры».

Империя Чжоу просуществовала сравнительно долго — не менее трех столетий. К VII веку до нашей эры эта империя оказалась фактически раздробленной на многочисленные царства, которыми управляли в основном ближайшие родственники первых чжоуских царей. Этот период китайской истории получил название эпохи Разделенных царств, а в 481 году до нашей эры ее сменила эпоха Борющихся царств; столь точная дата связана с тем, что 481 годом заканчивается древнейшая китайская летопись «Весны и осени», повествующая о легендарных событиях незапамятных времен, и от окончания этой летописи принято отсчитывать фактическую историю Китая.

Эпоха Борющихся царств, помимо непрерывных военных походов, знаменательна тем, что именно в этот период (или немногим ранее) жили и проповедовали свои учения великие родоначальники важнейших китайских идеологий — Конфуций и Лаоцзы. Несмотря на все различия между конфуцианством и даосизмом, их объединяет тот факт, что эти сугубо китайские вероучения, собственно, и сформировали китайский взгляд на мир — взгляд, которого Китай придер-

живался на протяжении тысячелетий и во многом придерживается по сей день.

Среди Борющихся царств постепенно возвысилось царство Цинь, подчинившее себе все остальные; правитель Цинь взял себе титул «хуанди», который принято переводить на другие языки как «император». В историю этот правитель вошел под именем Цинь Шихуанди, то есть «Первый император Цинь». При нем Китай окреп в военном и экономическом отношении, действительно стал Поднебесной империей и государством в центре мира (термин «Срединное государство» возник в эпоху Разделенных царств), а вдоль северных рубежей страны началось строительство грандиозной стены, позднее получившей название Великой китайской. Кроме того, Шихуанди печально знаменит тем, что при нем были официально запрещены «бесполезные» книги (в том числе философские трактаты и исторические хроники) и состоялось в 213 году до нашей эры «сожжение книг», по причине чего многие источники по истории и культуре (в том числе мифологии) Китая оказались безвозвратно утраченными.

Империя Цинь рухнула под бременем внутренних проблем. Ее сменила династия Хань, правление которой продолжалось четыреста лет. Эта эпоха, по замечанию В. В. Малявина, стала временем, «когда сложились незыблемые до XX века основы имперского правления и сделалась очевидной роль культуры в консолидации китайской ойкумены». При династии Хань была «восстановлена в правах» архаическая мифология — правда, в ее конфуцианском, рационализированном варианте, самого Конфуция обожествили, а даосизм получил государственное покровительство (ханьский император У-ди, например, настолько поддался влиянию даосов, что снарядил несколько экспедиций на поиски эликсира бессмертия). Неожиданным для династии итогом этого покровительства стало возникновение на западе страны своеобразного даосского

теократического государства в государстве, которым управлял патриарх, передававший власть по наследству внутри рода, и которое просуществовало в материковом Китае до 1930-х годов.

Эпоха древних империй в Китае завершилась падением династии Хань, новым раздроблением страны на мелкие царства, самым сильным из которых было царство Вэй, и вторжением кочевых племен гуннов (*сюнну*). В 308 году вождь сюнну Ли Юань провозгласил себя императором Северного Китая, а на юге Поднебесной продолжали соперничать между собой многочисленные царьки и удельные князья. Удивительным образом эта «эпоха перемен» совпала со временем проникновения в Китай буддизма (I тысячелетие н. э.) с его эсхатологией и учением об избавлении от страданий — «семенами», упавшими в благодатную почву раздробленной, сотрясаемой междоусобицами страны. Пожалуй, в более спокойное время буддизм — «инородное» учение — мог бы встретить более решительное сопротивление со стороны конфуцианства и даосизма. При сложившихся же обстоятельствах буддизм, как отмечает отечественный востоковед Л. С. Васильев, «оказался единственной иностранной идеологией, которая сумела не только глубоко внедриться в Китай и прижиться там, но и стать важной интегральной частью всей системы религиозных верований и институтов этой страны... Китайский буддизм занял свое место в системе религиозно-философских идей Китая и оказал огромное влияние на китайскую культуру».

В. В. Малявин прибавляет, что эти «смутные времена» — первые столетия нашей эры — стали той эпохой, когда «были заложены основы той культурно-исторической общности, которую принято называть Дальневосточной цивилизацией». Именно в этот период возникали первые государства на соседних с Китаем территориях — на Корейском полуострове,

во Вьетнаме и Японии, а влияние Китая на эти территории было неоспоримо; заимствование соседями китайских традиций и распространение «китаизированного» буддизма позволили выдающему английскому историку А. Тойнби сделать вывод о формировании в Юго-Восточной Азии цивилизации, которую он назвал «синской».

Новое объединение страны произошло в VI веке и ознаменовалось воцарением династии Суй, которая, впрочем, достаточно быстро уступила престол династии Тан. При Тан, как утверждали китайские историки той поры, в Китай словно вернулся «золотой век» — однако он был недолгим и сменился очередным периодом раздробленности, известным в истории как период Пяти династий и Десяти царств. Следующий «золотой век», уже при династии Сун, закончился вторжением монголов, ханы которых Чингис и Хубилай присоединили Китай к своим владениям, простиравшимся от Тихого океана до днепровских степей. Хубилай стал основателем династии Юань, которая правила в Китае с XII по XIV век. При монголах конфуцианская идеология пришла в упадок, в Китай проник ламаизм (оставшийся, впрочем, маргинальным вероучением), зато бурно развивалась народная литература, вобравшая в себя многочисленные мифологические и фольклорные сюжеты.

Монголам наследовала династия Мин, родоначальник¹ которой Хань Линьэр объявил себя земным воплощением будды грядущего Майтрейи. Именно в правление династии Мин были написаны романы, получившие наименование «классических», составившие золотой фонд китайской литературы и опиравшиеся во многом на фольклорные и мифологические сюжеты, — «Речные заводы» Ши Найяня, «Трое-

¹ Он погиб, не успев основать династию, и эта честь выпала его преемнику Чжу Юаньчжану.

царствие» Ло Гуанчъжчуна, «Путешествие на Запад» У Чэнь-эня, а также свод новелл Пу Сунлина «Странные истории из кабинета неудачника».

Последней императорской династией Китая стала династия Цин, пришедшая к власти в середине XVII века. Эта династия была чужеземной (маньчжурской, «варварской») по происхождению и потому всячески стремилась доказать свою «укорененность» в китайской культуре. При Цин Китай фактически «законсервировался» с точки зрения культуры и идеологии, завет Чжуанцзы о Поднебесной, которую надлежит спрятать в Поднебесной, превратился в основополагающий принцип государственной политики, благодаря чему иностранные исследователи долгое время не могли разглядеть за ширмой конфуцианского по духу культа живую религиозно-мифологическую традицию.

Века XIX и XX обернулись для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако религиозно-мифологическая традиция продолжала существовать, вновь и вновь доказывая свою живучесть. Пожалуй, именно она является той «Поднебесной в Поднебесной», о которой говорил Чжуанцзы. Сегодня в мире применительно к экономике Китая популярна метафора «Спящий дракон пробуждается»; что касается мифологии (в широком смысле слова), этот дракон в Китае не засыпал никогда.

Основные источники сведений по китайской мифологии, особенно по ее архаическому и конфуцианскому периодам, — это прежде всего сочинения так называемого конфуцианского канона: «Книга песен» («Шицзин»), «Книга преданий» («Шуцзин») и примыкающая к ним иньская «Книга перемен» («Ицзин»), а также «Каталог гор и морей», «Исторические записки» Сыма Цяня, стихи поэта Цюй Юаня (III в. до н. э.), «За-

писки о поисках духов» Гань Бао. Среди других источников — даосские философские и алхимические трактаты (например, «Баопуцзы» Гэ Хуна), буддийские сутры и их народные переложения (*бяньвэнь*), классические китайские романы.

«Книгу песен», по преданию, редактировал сам Конфуций, который, по сообщению Сыма Цяня, сократил первоначальные 3000 песен до 305, убрав все то, что «нарушало благопристойность и чинность». (Впрочем, в «Беседах и суждениях» самого Конфуция говорится не о 3000, а о 300 песнях, то же утверждает в своем трактате и видный конфуцианец Моцзы). О составе «Книги песен» переводчик этого произведения на русский язык А. А. Штукин писал: «Памятник состоит из трех частей — [Го] фэн» («Нравы [царств]»), «Я» («Оды») и «Сун» («Гимны»). В разделе «Го фэн» собраны 160 местных народных песен 15 царств эпохи Чжоу. Раздел «Я» объединяет 105 песен, сложенных при дворе *вана* — государя династии Чжоу, в столице и ее окрестностях, и включает два подраздела: «Да я» («Большие оды» — 31 песня) и «Сяо я» («Малые оды» — 80 песен). Раздел «Сун» содержит 40 гимнов и делится на три подраздела: «Чжоу сун» («Гимны [дома] Чжоу»), «Лу сун» («Гимны [князей] Лу») и «Шан сун» («Гимны [дома] Шан»). Два последних подраздела представляют собой храмовые песнопения, распространенные в VIII–III веках до нашей эры в царствах Лу и Сун. Произведения, вошедшие в «Шицзин», собирались специальными чиновниками двора чжоуского вана — *синжэнь* («путниками»), или *цюжэнь* («глашатаями»), а также представлялись ко двору сановниками разных рангов. Они служили своего рода информацией с мест о нравах народа для принятия политических решений, совершенствования церемониальных установлений и ритуальной музыки».

Многие песни «Шицзин» содержат обращения к богам или представляют собой гимны, посвященные этим богам (например, «Гимн Государю-Зерно»). На основании

этих обращений и гимнов стала возможной реконструкция некоторых архаических сюжетов китайской мифологии.

Следует отметить, что большинство известных сегодня архаических мифов Китая, в отличие, скажем, от мифов Древней Греции, скандинавских или индийских, представляют собой именно реконструкции, так как связного изложения этих мифологических сюжетов не сохранилось. Яркий образец подобной реконструкции — известная отечественному читателю книга профессора Сычуаньского университета Юань Кэ «Мифы древнего Китая», в которой отрывочные сведения древних источников объединены в связный рассказ (нередко, правда, «приукрашенный» авторской фантазией).

В отличие от «Книги песен», «Книга преданий» — тоже, по легенде, отредактированная Конфуцием — является прозаической. В ней немало сведений о легендарной истории Китая (правление Яо и т. д.), а также встречаются фрагменты мифов и героических сказаний. В 231 году до нашей эры «Книга преданий» попала в число «бесполезных» сочинений, приговоренных императором Цинь Шихуанди к сожжению, но позже была восстановлена по уцелевшим спискам.

Особый интерес для изучения китайской мифологии представляет «Каталог гор и морей», о котором впервые упомянул в своих «Исторических записках» Сыма Цянь. Предание гласит, что «Каталог» был выгравирован на девяти священных сосудах неким Бо И, помощником героя Юя, который усмирив потоп. Как писал философ Ван Чун (I в. н. э.): «Когда Юй и И усмиряли воды потопа, то Юй занимался умирением вод, а И — записью сведений о различных вещах. Как бы далеки ни были земли за горами и морями, они всюду побывали, осмотрели все, о чем слышали. И создали они “Каталог гор и морей”. Если бы Юй и Бо и не совершили столь дальних путешествий, то не описали бы гор и морей. Описать же горы и моря они смогли потому, что видели все множество вещей».

По составу «Каталог» четко разделяется на две части — «Каталог гор», или «Каталог Пяти сокровенных гор», и «Каталог морей», включающий в себя «Каталог земель за морями», «Каталог земель внутри морей» и даже «Каталог Великих пустынь». Во всех этих разделах неоднократно описываются всевозможные чудесные животные, птицы, рыбы и растения, рассказывается о деяниях Желтого предка (Хуанди) и других первопредков, а также упоминаются другие мифологические сюжеты — чаще всего вскользь. Как отмечала в своем предисловии к русскому изданию «Каталога» его переводчица Э. М. Яншина, «мифологическая традиция зафиксирована в “Каталоге” в виде лапидарных фрагментов мифов, в которых иногда содержится костяк какого-то сюжета, а иногда упоминается только отдельный мотив мифа или имеется намек на его тему, в целом ряде случаев дается просто перечень имен героев или их деяний. Такое закрепление мифологии связано с характером самого памятника — такого же каталога (списка) мифов, как и каталог гор. Однако подобный свод мифологии для древнекитайской литературы — редкость. И ученые правы, считая “Каталог” сокровищницей мифологии, с которой могут сравниться только “Вопросы Небу” Цюй Юаня».

Что касается поздней мифологической традиции Китая — так называемой синкретической мифологии, — здесь основными источниками сведений являются, помимо литературных сочинений, сводов и словарей, источники, так сказать, «наглядные»: народные картины, существовавшие в двух видах — как бумажные иконы для жертвоприношений, изображавшие богов и предков, и как поздравительные «открытки», которые было принято дарить на Новый год и которые своими сюжетами (зачастую именно мифологическими) символизировали благие пожелания дарителей адресатам.

Китай — безусловный социально-политический и культурный феномен человеческой истории. Нет другой цивилизации, которая отличалась бы такой же устойчивостью ко всем потрясавшим ее кризисам и выходила бы из них, говоря словами современного китайского поэта, «обновленной, но прежней». Верность традиции — Традиции, как предпочитал писать Рене Генон, — проявляется в Китае во всем, в том числе и в мифологии, которая, понимаемая достаточно широко, до сих пор определяет китайский взгляд на мир. Перефразируя В. В. Малявина, который рассуждает о китайской цивилизации, можно сказать, что китайская мифология позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, ибо ориентирована на «технику сердца». И в этом — секрет ее поразительного долголетия.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ



Глава 1

«ЕСТЬ ГОРА КУНЬЛУНЬ»: мифологическая традиция Древнего Китая

Каков был довременный мир —
Чей может высказать язык?

Цзюй Юань. Вопросы Небу¹

Мифы архаические и обработанные. — Мифы о сотворении мира. — «Вопросы небу». — Цзюйлин и Мать бесов. — Хаос, Инь и Ян. — Великан Паньгу. — Сюжеты о жертвоприношении первосущества. — Всемирный потоп и богиня Нюйва. — Отделение неба от земли. — Гора Куньлунь. — Мифологема мирового древа. — Дерево Цзянь. — Проекция мироздания. — Десять солнц и Лучник И. — Подвиги Юя. — Сотворение людей. — Нюйва как богиня-мать. — Культы Древнего Китая. — Шанди. — Первопредки. — Хуанди. — У-ди. — Мятежник Чию. — Яо и Шунь. — Фуси. — Небесные светила. — Богиня Сихэ. — Великан Куафу. — Мифы о луне. — Божества земли Хоуту и Хоуцзи. — Культ драконов. — Чудесные животные. — Цилинь и фэнхуан. — Трансформация древнекитайского пантеона.

«Во времена Яо воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали. Тогда Яо стал искать человека, способного обуздать воды. Все

¹ Здесь и далее перевод А. Е. Адалис.

[приближенные к нему] чиновники и помощники сказали, что это сможет сделать Гунь. Яо возразил: “Гунь — тот, кто нарушает приказы и вредит сородичам, [он] не годится”. Его помощники ответили: “Если сравнить его [с другими], то нет таких, кто был бы мудрее Гуня. Желательно, чтобы вы, император, испытали его”. Послушал Яо своих помощников и поручил Гуню обуздание вод. Прошло девять лет, но наводнение не утихло, и усилия [Гуня] не увенчались успехом.

Тогда император Яо опять стал искать подходящего человека и на смену [Гуню] обрел Шуня. Шунь был выдвинут и использован [в делах], он стал править от имени Сына Неба и объезжать владения. Во время поездок [он] увидел, что в обуздании вод Гунь ничего не добился, поэтому выслал Гуня пожизненно в горы Юйшань.

В Поднебесной все считали наказание, наложенное Шунем [на Гуня], правильным. После этого Шунь выдвинул сына Гуня Юя и повелел ему продолжить дело Гуня.

Когда Яо умер, император Шунь, обратившись к помощникам, спросил: “Есть ли среди людей такой, кто мог бы завершить и прославить деяния Яо, чтобы поставить его на должность чиновника?” Приближенные ответили: “Если Бо-юя поставить начальником земляных работ, он сможет завершить их и прославить деяния Яо”. Шунь, сказав “О, правильно!”, отдал приказ Юю: “Ты будешь приводить в порядок воды и земли. В этом будь старателен!”»

Так, опираясь на традицию «Книги преданий», передает древнекитайский миф о великом потопе Сыма Цянь. В «Каталоге гор и морей» мы встречаем иную версию, очевидно более древнюю, лишенную конфуцианских «наслоений»:

«Воды потопа разлились до небес. Гунь не дождался приказа Предка и похитил у него саморастущую землю, чтобы преградить путь водам потопа. Приказал тогда Предок Заклинающему Огонь казнить Гуня вблизи Крыло-горы. Гунь



Небесный повелитель. Рельеф эпохи Сун.

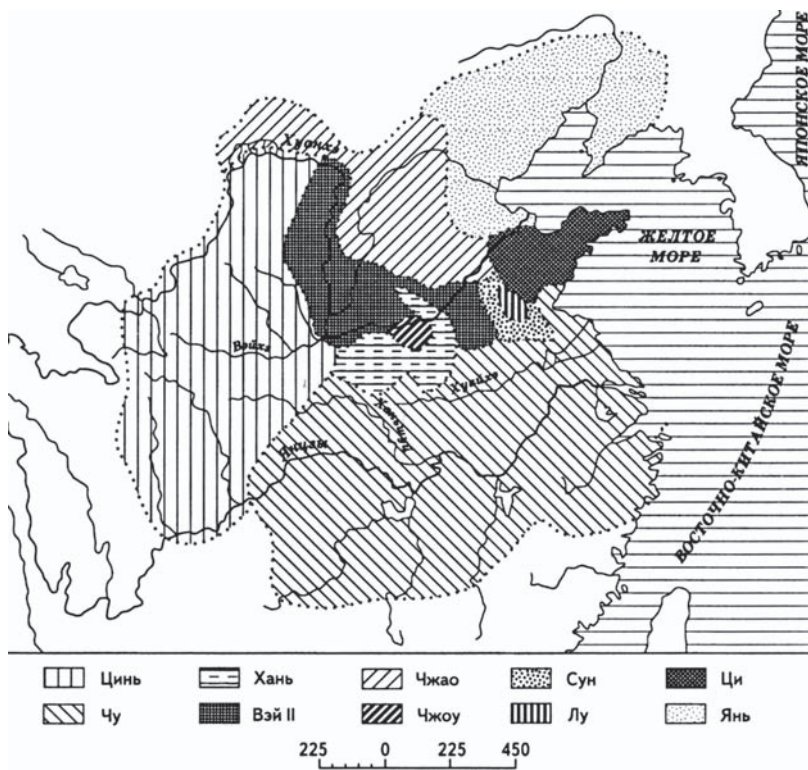
воскрес и родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей».

Лапидарность изложения, столь характерная для «Каталога», заставляет привлекать другие, более поздние источники и реконструировать первоначальный сюжет мифа на основании всей совокупности материалов. Ключевое слово здесь — «реконструировать». В отличие от таких мифологических систем, как, например, античная, скандинавская или японская, мифология древнекитайская не сохранилась в своем «первозданном» виде — ее возможно только реконструировать. При этом необходимо учитывать, что «абсолютная»

реконструкция невозможна (слишком фрагментарны сохранившиеся сведения, и зачастую они противоречат друг другу); именно поэтому нельзя считать удачной попытку Юань Кэ представить «связное» изложение древнекитайских мифов по образу и подобию мифов Древней Греции. Тем не менее такие попытки оправданны, ведь именно в древнекитайской мифологии сложились те сюжеты, которые затем были переработаны конфуцианцами, восприняты даосами и вошли в синкретический свод.

Традиционно в мифологических системах выделяется некоторое количество «главных», стержневых мифов, центральное место среди которых занимает миф о «становлении бытия» (Ф. Кейпер) и миротворении. Древнекитайская мифология в этом отношении долгое время считалась уникальной, поскольку бытовало мнение, что в ней миф о миротворении — иначе космогонический — попросту отсутствует. Как писал Д. Бодде, «представляется, что Китай, возможно, единственный из большого числа цивилизаций древности, не имел действительного мифа о сотворении мира». Однако реконструкции мифов о Нюйва, Юе, Чжуне и Ли, равно как и сведения, содержащиеся в «Книге перемен» («И-цзин»), заставляют усомниться в обоснованности этого вывода.

Космогонический миф — и даже мифы — в Китае безусловно существовал; к сожалению, по ряду обстоятельств космогония в итоге оказалась «подмененной» историографией: миф о сотворении мира превратился в миф об установлении и упорядочении империи, о «собираании земель». Так, Сыма Цянь приписывает устройство мира легендарному Хуан-ди (Желтому предку), который «упорядочил пять стихий, насадил пять видов злаков, успокоил народ, навел порядок в четырех частях страны». Но поэт Цюй Юань почти за три столетия до Сыма Цяня спрашивал:



Древний Китай в эпоху Борющихся царств.

Каков был довременный мир —
Чей может высказать язык?
Кто Твердь и Землю — «Верх» и «Низ»
Без качеств и без форм постиг?

«Был древний хаос», — говорят.
Кто четкости добился в нем?
В том, что кружилось и неслоь,
Кто разобрался? Как поймем?